

Во стольнем во городе Киеве

Во стольнем-то городе Киёве,
Што у ласкова у князя у Владимира,
Было пированье-стол, почёсен пир.
Вси на пиру напивалисе,
На чесном пиру наедалисе,
Все были пьяны и вёселы.
Тут Владимир-от князь распотешилса,
Стал по гринюшке похаживать,
Сапог о сапог поколачивать,
Белыма руками приразмахивать.
Говорил-то Владимир таковы́ слова́:
«Уж вы ой еси, все князья-ббёра,
Все уж мо́гущие бо́гатыри,
Палени́цы все уда́лые!
Вы не знаете ли мне любовницу,
Любовницу мне — красну́ де́вицу?
Таку́ бы: девица ростом ровна́,
(Как Вы!)
Ростом ровна́, повысока́;
Коса бы руса́ у ей бы — до пёса,
Очи ясны были у ей — как у сокола,
Брови чёрные у ей — как у соболя;
Штобы могла она поклониться кнезья́м всем, ббёрам,
Всем могучим бо́гатырям
И поленицам всем удалым!»
Из-за того ли из столика серёдного,
Из-за столика булатного
Вставал тут удаленькой доброй молодец,
Вставал он на резвы́ ноги —
Дунай сын Иванович:
«Уж ты батюшко король леховинское,
Позволь мне слово сказать, слово вымолвить!
Я не столько живал на Светой Руси —
А я больше живал ведь в проклятой Литвы.
У того у короля леховинского

Есть тут любимая дочь — Опраксея-королевичня.
Та ростом ровна́, ростом высока́,
Коса́ руса́ у ей — до пёса,
Очи ясны у ей — как у сокола,
Брови чёрные у ей — как у соболя!»
Спроговорил же король да ляховинской же:
«Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович!
Ты бери-ко силы, сколько надобно.
Когда с добром — бери её,
А не даст — так возьми силою!»
Спроговорит Дунай сын Иванович:
«Мне не надо силы — своей сметы нет;
Только дай мне названого брателька —
Добрынюшку Микитича!»
Скоро коней осёдлали;
Поехали добры молодцы —
По чисту́ полю курева́ пошла.
Приехали они к королю да ляховинскому.
Они правили стено́ю — да не дорогою:
Они ехали чрез стены те городовыя.
Поставили добрых коней на кнеженецкой двор
Не связанных они и не привязанных.
Пошел тут Дунаюшко с Добрынею
Во светлы гринюшки к королю ляховинскому.
Оставил Добрыню во светлых сенях,
Сам зашел к королю ведь ляховинскому.
Спросил его король ляховинской же:
«Зачем ты, Дунай, пришол-приехал же?
За торгом иль за товарами,
Иль по-прежнему служить мне?»
Спроговорит Дунай да свет Иванович:
«Не за торгом я к тебе да не за товарами!
А приехал я за любимую дочь, Опраксеей-королевичней —
За нашего князя за Владимира!»
Спроговорит король ляховинской же:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко!
Кабы не жил у меня — я бы отсек по плечам голову!»
Спроговорит Дунай во второй-от раз —
Не получил ответу от его.

Спроговорил он третий раз —
То вскричал король ляховинской же:
«Вы вставайте, петнадцать тотаровей,
Вы берите Дуная за праву́ руку́, —
Вставайте, другая петнадцать,
Вы берите Дуна[я] за леву́ руку́!
Вы ведите Дуная во глубок подгрёб!»
Махнулса Дунаюшко право́й рукой —
Упали тотарове без памети!
Отмахнулсе Дунаюшко левóй рукой,
Взял тут Дунаюшко дубинку подорожною,
Стал по гринюшке помахивать —
Король по застóлью стал побéгивать.
Тут скопилосе силы во двор — и смету нет!
Выходил ле Дунаюшко во светлы́ сени́,
Брал он Добрынюшку с красна́ крыльця́,
Они брали тотаровей за́ ноги.
Махнутса — так и улица,
Отмахнутса — с переулками!
Увидала тут Опраксея-королевичня,
Выходила она к батюшку:
«Уж вы ой еси, батюшко-король ляховинское,
Оставь ты тотаровей на се́мена!
Добри-ти отцы да добрых дочерей
Отдавают с пивом-бра́гою —
А верно мне быть за има́!»
Тогда вышел король на красно́ крыльцо́,
Говорил таковы́ речи:
«Оставь мне, Дунай, тотар на се́мена —
Бери Опраксею-королевичню!»
Зашол Дунай, брал он Опраксею на ру́ки.
Она началá слéзно пла́кати:
«Зови ты, батюшко, на угощение их!»
Тогда сказал король ляховинской же:
«Заходите, Дунаюшко, во свётлицы!
Не угодна ли тебе пива пьяного?»
Сказал тут Дунай-от Иванович:
«На приезде нас не употчёвал —
На отъезде не учествовать!»

Сажал Дунаюшко Опраксею-королевичню
На добра коня назад себе,
Поехали они рысью богатырскую.
Приехали они во своё полё чистое.
Увидал тут Дунай-от Иванович,
Што ездит храбёр добрый молодец:
Копья кидат кверху — на подъезе подхватыват.
Не честь была хвала молодецкая
Не узнать тут Дунаю добра молодца.
Передаёт он Опраксею-королевичню
На добра коня Добрынюшки Микитичу,
Приказал отвезти князю Владимиру.
Сам отправилса к добру молодцу.

(Встречу.)

Они рыцарски стали тешиться:
Сабли пощорбалися и копы извихнулися.
Стали тенуться через гривы лошадиныя:

(У их мода была.)

У соперника нога окатилась — пал он на землю.

Тут Дунай свет Иванович
Ростегнул он латы железныя —
Увидал тут титки женския.

Тогда сказал он: «Ну Настасья-королевичня!

(Сестра Опраксеи.)

Сестра твоя за Владимиром, а ты быдь за мной!»

Спроговорит Настасья-королевичня:

«Кабы я не здесь была — теперь воля ваша же!»

Они сели на добрых коней

И поехали к стольнему городу Киеву.

Тут устроен был у Владимира великий пир,

В чести был Дунай сын Иванович.

Повыпил — стал хвастать он:

«Нет на свете сильней меня,

И нет на свете умнее меня,

Как и в стрелочку собольнею метнее меня!»

Тут спроверит Настасья-королевичня:

«Не добром ты хвасташь: сильнее тебя есь —

Илья Муромец,

Умнее тебя — Добрынюшка Микитич ведь,

А во стрелочку собольнею я метнее тебя!»

(Какая!)

Тут Дунай Иванович не вытерпел —

Пожелал с ей на стрельбу вытти.

Они вышли в чисто́ полё,

Стали в означенное место,

Положили златы́ перснѝ на го́лову.

Стрэла Настасья-королевичня:

Сквозь перстень прострэлила — перстень не урбонила!

А стрэлил Дунай сын Иванович —

Первый раз он не дбстрелил,

Второй раз он перестрелил!

(Пьяненький, видно, был.)

Тут взмолилась Настасья-королевичня:

«Ты прости меня, Дунай сын Иванович!

Первый раз ты не дбстрелил,

Вто́рой раз ты перестрелил,

А третий раз — ты застрелишь.

Не губи ты меня: в утробе есть младень хорош!»

Не поверил Дунаюшко Иванович —

Застрелил Настасью-королевичню.

Розрезал грудь — увидал: младень хорош!

Не стерпел тут Дунай Иванович:

Поставил копьё во сыру́ землю —

На во́стрый конец стал грудью нава́ливать.

Проговори́л Дунаюшко таковы́ слова́:

«От младенца вырости ракитов куст,

А от моей крови горячей будь Дунай-река!»

Так и скончался он тут.

(Боле и всё.)

(Зап. А. М. Астаховой 12 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Иванова Филиппа Васильевича, 74 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:

Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.